

The “NMDNI” Project: Social Reception Research

**Aleksey A. Tselykovskiy (a), Ivan V. Suslov (b),
Andrey G. Ivanov (c) & Serguey P. Sidorov (d)**

(a) Saratov State University. Saratov, Russia; Lipetsk State Technical University. Lipetsk, Russia.
Email: alts1085@mail.ru

(b) Saratov State University; Saratov State Legal Academy. Saratov, Russia.
Email: Suslov85@inbox.ru

(c) Saratov State University. Saratov, Russia; The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch. Lipetsk, Russia.
Email: agivanov2@yandex.ru

(d) Saratov State University. Saratov, Russia. Email: sidorovsp@sgu.ru

Received: 9 October 2022 | Revised: 13 December 2022 | Accepted: 30 December 2022

Abstract

The article is devoted to the study of the social reception of the Soviet past in the contemporary Russian media practice. The authors proceeded from the hypothesis that the specifics of the reproduction and perception of media images representing the Soviet period of history can be revealed through the social phenomenon of nostalgia. The authors distinguish two types of nostalgia: reflexive and restorative. The research interest is focused on the reflexive type of nostalgia as a process of formation of mythologized and idealized images of the past. In addition, the study uses the concept of post-memory proposed by M. Hirsch. Leonid Parfyonov's Internet project “NMDNI” was used as an example of such a mediator, which also represents a reflexive type of nostalgia. The purpose of the study was the viewers' reaction to the content of the project. Thus, the aim of the article is to study the impact of the media strategies of constructing the image of the USSR on the YouTube audience. Active viewers' reaction in the YouTube-project “NMDNI” allows us to consider Leonid Parfyonov as a significant subject of the construction of the post-memory of the Soviet Union. As a result of the analysis of the most popular comments, it was concluded that there is a public demand for reflective nostalgia as a way of perceiving the Soviet past.

Keywords

Nostalgia; Historical Memory; Cultural Memory; Post-Memory; Cultural Trauma; Media Strategy; Identity; L. Parfyonov; NMDNI; USSR

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Проект «НМДНИ»: исследование социальной рецепции

Цельковский Алексей Андреевич (a), Суслов Иван Владимирович (b), Иванов Андрей Геннадиевич (c), Сидоров Сергей Петрович (d)

(a) Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия; Липецкий государственный технический университет. Липецк, Россия. Email: alts1085[at]mail.ru

(b) Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, Россия. Email: Suslov85[at]inbox.ru

(c) Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал. Липецк, Россия. Email: agivanov2[at]yandex.ru

(d) Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия. Email: sidorovsp[at]sgu.ru

Рукопись получена: 9 октября 2022 | Пересмотрена: 13 декабря 2022 | Принята: 30 декабря 2022

Аннотация

Статья посвящена исследованию социальной рецепции советского прошлого в современной российской медиапрактике. Авторы исходили из гипотезы, что специфика воспроизведения и восприятия медийных образов, репрезентирующих советский период истории, может быть раскрыта посредством социального феномена ностальгии. Авторами выделяются два типа ностальгии – рефлектирующая и реставрирующая. Исследовательский интерес концентрируется на рефлектирующем типе ностальгии как процессе формирования мифологизированных и идеализированных образов прошлого. Кроме того, в исследовании было использовано понятие постпамяти, предложенное М. Хирш. В качестве примера подобного медиатора, представляющего также рефлектирующий тип ностальгии, был использован интернет-проект Леонида Парфенова «НМДНИ». В задачи исследования входило изучение зрительской реакции на содержание проекта. Таким образом, целью статьи является изучение воздействия медиастратегий конструирования образа СССР на YouTube-аудиторию. Активная реакция зрителей на YouTube-проект «НМДНИ» позволяет считать Леонида Парфенова значимым субъектом конструирования постпамяти о Советском Союзе. В результате анализа наиболее популярных комментариев был сделан вывод о наличии общественного запроса на рефлектирующую ностальгию как способа восприятия советского прошлого.

Ключевые слова

ностальгия; историческая память; культурная память; постпамять; культурная травма; медиастратегия; идентичность; Л. Парфенов; НМДНИ; СССР

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\)4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

С момента распада СССР прошло уже три десятилетия. За этот период в новом Российском государстве неоднократно менялось отношение к советской эпохе. Сразу после распада Советского Союза новая политическая элита взяла курс на десоветизацию и установление преемственности с дореволюционным прошлым. Однако общество ощущало духовную и материальную связь с советской эпохой, а не с эпохой дореволюционной России, слишком далеко отстоящей во времени. Конституция устанавливала демократические свободы и принципы государственного устройства. При этом новый демократический строй репрезентировался через символы монархической традиционалистской Российской Империи, что выглядело неестественным и не отражало произошедшие перемены. Даже юридически Российская Федерация была правопреемницей СССР, а новое руководство страны практически полностью состояло из бывших представителей советской номенклатуры. На практике, особенно при отсутствии государственной идеологии, все это вылилось в идейный хаос. Подобная ситуация, усугубленная экономическим и политическим кризисом, спровоцировала ностальгию по стабильной советской эпохе – «славному прошлому», времени без социальных и экономических потрясений.

Понятие ностальгии довольно точно раскрывает специфику восприятия советской эпохи общественным сознанием, а также особенности ее репрезентации в медиасфере. Обосновать данный тезис можно, проанализировав популярный интернет-проект Леонида Парфенова «НМДНИ», а также зрительскую реакцию на содержание проекта. Это позволит не только подтвердить наличие общественного запроса на ностальгию по советскому прошлому, но и выявить характерные черты собственно ностальгии как социального феномена.

Ностальгия по истокам

В этой связи необходимо определиться с тем, что вообще представляет собой ностальгия как социальный феномен? Русско-американская исследовательница С. Бойм относительно понятия ностальгии писала, что «...понятие происходит от двух греческих корней, *nostos* и *algia*, буквально означая “тоску по дому”; часто это тоска по метафорическому дому, которого больше нет или, может быть, никогда и не было. Это – утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое» (Бойм, 2013, с. 118). В этом смысле ностальгия как социальный феномен является, по сути, одной из разновидностей процессов мифологизации и мифотворчества. Особенно отчетливо тенденция к ностальгии проявляется в кризисные переходные эпохи, когда процессы мифотворчества и мифологизации особенно сильны. Общественное сознание, продуцируя разного рода ностальгические мифы, пытается обрести опору в настоящем через переосмысление прошлого. Но в данном случае под «переосмыслением» понимается не рациональная рефлексия, а конструирование идеализиро-

ванных образов прошлого, помогающих ориентироваться в настоящем. Социальный феномен ностальгии описывается в большей степени временными, а не пространственными характеристиками. Это – тоска по безвозвратно утраченному времени, в которое уже нет возможности вернуться. Как замечают по этому поводу исследователи коллективной памяти:

«В качестве одного из главных атрибутов ностальгии многие исследователи выделяют ее темпоральность, то есть нахождение скорее во времени, чем в пространстве. Для социальных исследователей это означает, что ностальгия связана с памятью о времени в прошлом, а не с местом, в которое хочется вернуться» (Абрамов & Чистякова, 2012, с. 53).

Важно отметить, что ностальгия имеет дело не с историческими фактами, а с идеализированными образами, с историческими мифами, выполняющими терапевтическую функцию в настоящем. Поэтому продуцируемые ностальгией образы имеют преимущественно позитивные коннотации и провоцируют позитивный эмоциональный отклик. По мнению В.В. Нурковой, чувство ностальгии возникает тогда, когда «...происходит “просветление” реальных фактов прошлого, которое приводит к созданию субъективно убедительного ностальгического мифа о Родине» (Нуркова, 2000, с. 21).

Типология ностальгии достаточно обширна: она зависит от ракурса изучения и включает в себя множество аспектов (психологический, культурный, социальный и т.д.). Р.Н. Абрамов и А.А. Чистякова, рассматривая социальное измерение ностальгии (а нас, в первую очередь, будет интересовать именно этот аспект ностальгии), выделяют персональный, коллективный и социетальный уровни (Абрамов, Чистякова, 2012, с. 53). Персональный уровень репрезентирует личные эмоциональные переживания индивида о прошлом в современном культурном и историческом контексте. Коллективный уровень объединяет личный опыт индивида, его ностальгические воспоминания с опытом близких ему социальных групп (семья, трудовой коллектив, социальный класс). На социетальном уровне ностальгия объединяет крупные социальные группы или общество в целом. Ностальгия, таким образом, возникает как совокупность воспоминаний, имеющих схожую интерпретацию для всей социальной группы.

Рассматривая данную классификацию, необходимо отметить важность личного биографического опыта индивида. При этом речь идет не только о наличии индивидуальных позитивных ностальгических воспоминаний, но и возможности виртуального соприкосновения с прошлым. В этом процессе ведущую роль играет медиасреда. Различные медиа средства создают необходимый смысловой фон, провоцирующий появление ностальгических настроений.

Ностальгия может являться частью идеологической практики, например, при использовании символики предыдущей эпохи или каких-либо идей и мифов. То есть, с одной стороны, ностальгия присутствует в общественном сознании на повседневном уровне, с другой – в официальном политическом

дискурсе. Например, в российской политической практике тенденции к ностальгическому восприятию и интерпретации советского прошлого наблюдались уже в 1990-е годы. А в 2000-е годы можно было отмечать тенденцию обращения к советскому наследию еще и со стороны нового политического руководства. Однако речь в данном случае идет о разных социальных феноменах или, говоря точнее, о разных типах ностальгии.

В частности, С. Бойм выделяла ностальгические мотивы двух типов: реставрирующую и рефлектирующую ностальгию. Она замечала по этому поводу: «Реставрирующая ностальгия проявляет себя в тотальной реконструкции монументов прошлого, в то время как рефлектирующая ностальгия тяготеет к руинам, патине времени, мечтам об иных местах и других эпохах» (Бойм, 2013, с. 120). Реставрирующая ностальгия характерна для современного российского официального политического дискурса. Рефлектирующая ностальгия не пытается восстановить утраченное мифологическое прошлое. Более того, по словам автора, она может проявляться в критической и даже осуждающей манере (Бойм, 2013, с. 120). Но именно рефлектирующая ностальгия, реализуемая в различных медиапрактиках, объединяет персональный, коллективный и социетальный уровни ностальгических настроений. Таким образом, одну из главных ролей в формировании рефлектирующей ностальгии играет медиасреда.

Проблематика, связанная с феноменом ностальгии, тесно переплетена с проблемами исторической и культурной памяти. Пионером в области исследования исторической (коллективной) памяти можно назвать М. Хальбвакса, попытавшегося в своих работах продемонстрировать обусловленность индивидуальной памяти различными социальными «рамками» (Хальбвакс, 2007). Идеи М. Хальбвакса получили развитие в трудах П. Рикера, исследовательские интересы которого включали, помимо проблемы исторической памяти, проблему забвения как одного из главных факторов восприятия истории (Рикер, 2004). В этой связи также необходимо упомянуть Я. Ассмана, исследовавшего роль памяти в процессе формирования культурной идентичности (Ассман, 2004). Специфика современной западноевропейской мемориальной культуры была исследована в трудах А. Ассман (Ассман, 2019), продемонстрировавшей взаимосвязь между индивидуальной, коллективной, социальной, а также культурной памятью (Ассман, 2014). Следует также упомянуть Э. Хобсбаума, изучавшего вопросы сохранения памяти о прошлом и роли традиции в этом процессе (Хобсбаум, 2000) и уделявшего также внимание феномену ностальгии (Хобсбаум, 2011).

Кроме того, в последнее время набирают популярность исследования феномена постпамяти, который в ситуации постепенного перехода памяти об СССР из коммуникативной в культурную способен продемонстрировать свой потенциал. Исследования постпамяти связаны с именем М. Хирш, которая вывела данный термин на основании своих автобиографических воспоминаний, а также работ писателей и художников, принадлежащих

ко «второму поколению» (Хирш, 2021). Хирш отмечала, что «...связь постпамяти с прошлым в действительности опосредована не воспоминаниями, но работой воображения, проекцией и творчеством» (Хирш, 2021, с. 22).

Термин «постпамять» применяется М. Хирш для описания механизмов передачи исторической травмы, связанной с Холокостом, а также способов ее проработки. В этом отношении постпамять вполне применима для характеристики восприятия советской эпохи значительной частью современного российского общества. Актуализация и присутствие образов советского прошлого в общественном сознании свидетельствует о наличии непроработанных исторических травм, связанных с распадом СССР и крушением всего проекта построения коммунистического государства.

Постпамять в понимании М. Хирш может иметь разные оттенки – аффилиативный, коннективный, – однако сущностной характеристикой ее работы является непрямой, опосредованный характер воздействия (Хирш, 2021). Особую роль в работе постпамяти играют различные медиасредства. Учитывая непрямой, опосредованный характер воздействия при работе постпамяти, следует подчеркнуть, что медиа важны не только как простой посредник, генерирующий образы, но также и как самостоятельный агент на поле памяти.

Коннективная работа постпамяти заключается в попытке соединения различных историй. Это соединение осуществляется не ради размывания их специфики, а для обнаружения общих эстетических и политических стратегий, эмоций и эффектов, являющихся частями некоего глобального пространства воспоминания, включающего пересекающиеся истории (Хирш, 2021).

Аффилиативная работа постпамяти происходит на эмоциональном уровне через воображение и творчество, когда индивид вовлекается в пространство чужих памяти и опыта. Аффилиативная память осуществляется посредством работы неких агентов (медиаторов). Их роль могут выполнять самые разные акторы – от отдельных художников, журналистов и т.п. до крупных медиакорпораций, государственных структур, а также используемых ими средств (фотографии, рисунки, кинематографическая продукция и т.п.). Эти медиаторы способны стать агентами алло-идентификации (аффилиативной постпамяти) или «аффилиативными суррогатными свидетелями».

Парфенов как медиатор

В качестве характерного примера, показывающего механизмы рефлектирующего типа ностальгии и постпамяти, можно использовать известный проект Леонида Парфенова «Намедни. Наша эра». Возникший первоначально в виде цикла документальных телевизионных передач на телеканале НТВ, проект Парфенова был реализован в серии печатных изданий, а затем – и в формате авторского интернет-шоу под названием «НМДНИ». Проект обрел впоследствии довольно широкую известность, став, помимо прочего, объектом исследовательского интереса (Мозгова, 2014; Рысина 2016; Миронова, 2021).

В этой связи примечателен заглавный слоган проекта: «События, люди, явления, определившие образ жизни. То, без чего нас невозможно представить, ещё труднее – понять».

Прежде всего, следует обратить внимание на язык повествования. Поддача материала происходит в легком, юмористическом, иногда ироническом тоне. Небезынтересно отметить, что С. Бойм также называла рефлектирующий тип ностальгии ироническим (Бойм, 2013). Действительно, ирония и юмор позволяют прорабатывать травмы прошлого, снижая их негативное воздействие в настоящем. Подобный подход к структурированию и изложению исторического материала отличает проект Парфенова: исторические факты перемежаются с народным фольклором – анекдотами, частушками, поговорками. Цитирование идеологических лозунгов и клише сопровождается их шуточными народными переделками. Это создает в целом приятный, эмоционально теплый фон повествования, формируя у зрителя необходимое настроение. Даже трагические или тяжелые события освещаются без нагнетания мрачной атмосферы и без лишних негативных эмоций.

События советской повседневной жизни в проекте Парфенова получают не менее подробное и яркое описание, чем события исторического масштаба. В этой связи интересен ракурс рассмотрения знаковых политических фигур советского времени. Взгляд направлен как бы со стороны обывателя и обусловлен его повседневной жизнью и повседневными интересами. Д.В. Блышко, анализируя стиль изложения материала, свойственный проекту Парфенова, замечает:

«Правители, “власть”, попадают в поле зрения автора лишь настолько, насколько они, по его мнению, должны были интересовать обывателя. Образы правителей отличаются некоторой шаблонностью: они конструируются из клише общественного мнения, цитат и шуток. В качестве источника властных решений правители выступают в основном в моменты описания кризисных ситуаций (войны, политические скандалы). В остальном повествовании образ данной группы смещается на периферию зрения» (Блышко, 2013, с. 127).

Действительно, политические лидеры здесь не главные герои. В соответствии с заглавным слоганом проекта основной интерес для рассказчика представляют события и явления, определившие образ мышления людей, их ценности и мировоззрение. При этом присутствие в сюжете того или иного события определяется его значимостью для простого советского обывателя.

Проект Парфенова «Намедни» также является яркой иллюстрацией работы постпамяти в случае с советским прошлым. Хотя понятие постпамяти возникло в контексте осмысления последствий Холокоста, сам термин «постпамять» обладает гораздо большим эвристическим потенциалом и, в частности, применим для исследований периода жизни Советского Союза. Существование и распад СССР, образ этого государства оказал колоссальное влияние на идентичность россиян, сопоставимое с воздействием в свое время Холокоста на идентичность как евреев, так и немцев. «Намедни» расширяет

дискуссию о феномене постпамяти за счет использования большинства выделенных характерных черт последней, но также и использования техник, обогащающих работу постпамяти. К таким техникам следует отнести «объектализацию» (Ушакин, 2013, с. 221–258) как демонстрацию советского опыта через материальные элементы, а также последовательное рассмотрение заявленных в слогане проекта «События, люди, явления. То, без чего нас невозможно представить, еще труднее – понять», соответственно, событий, людей и явлений. Проект «Намедни» запускает работу постпамяти, реанимируя далекие мифологизированные пласты памяти и соединяя их с современными личными образами СССР, что институционализирует постпамять о Советском Союзе, как минимум, в эстетической и политической сферах. Это соотносится с центральным тезисом книги М. Хирш: работа постпамяти «...способна заново активировать и заново воплотить более отдаленные политические и культурные пласты памяти, соединив их с живыми частными и семейными формами опосредования и эстетического выражения» (Хирш, 2021, с. 66).

НМДНИ

Для иллюстрации отмеченного рассмотрим структуру и тематику выпусков проекта Парфенова. На данный момент на YouTube-канале Л. Парфенова “Parfenon” представлены четыре периода советской истории:

- 1921–1925 (5 выпусков). Выходили с июня по ноябрь 2021 года.
- 1926–1930 (3 выпуска). На данный момент вышло три ролика, посвященных, соответственно, 1926, 1927 и 1928 годам. Выходили с декабря 2021 года по февраль 2022 года.
- 1946–1951 (6 выпусков). Выходили с марта по июнь 2019 года.
- 1952–1960 (9 выпусков). Выходили с октября по декабрь 2019 года.

Просмотры каждого ролика исчисляются сотнями тысяч, некоторых роликов – миллионами, что превышает в некоторых случаях количество подписчиков канала. Видеоролики схожи по своему содержанию и посвящены различным историческим персонажам и событиям, в том числе и зарубежным, так или иначе повлиявшим на советскую действительность. Помимо архивных кадров отличительной чертой видеороликов, повешенных 1920-м годам, стали приглашенные звезды современного кино и шоу-бизнеса, исполняющие популярные песни тех лет или читающие стихи и отрывки из литературных произведений. По-видимому, это сделано для того, чтобы психологически «приблизить» эту самую удаленную советскую эпоху к настоящему времени, сделать ее более эмоционально близкой.

Общие тенденции, демонстрирующие отношение аудитории интернет-проекта Парфенова к выбранному им стилю повествования и тематике выпусков, хорошо просматривается с помощью облака тегов, сформирован-

ного на основе наиболее употребляемых слов в комментариях к видеороликам. Комментарии, на основе которых составлялись облака тегов, были разделены на две группы. Первая группа комментариев касалась непосредственно самого проекта «НМДНИ» (выбор тем, стиль подачи материала и т.д.), вторая группа относилась к репрезентации Л. Парфеновым образа советской эпохи.

Облако тегов, сформированное по комментариям, посвященным проекту (Рисунок 1), и облако тегов, сформированное на основе комментариев, посвященных образу СССР в проекте (Рисунок 2), выглядят следующим образом (период с 1921 по 1925 гг.).

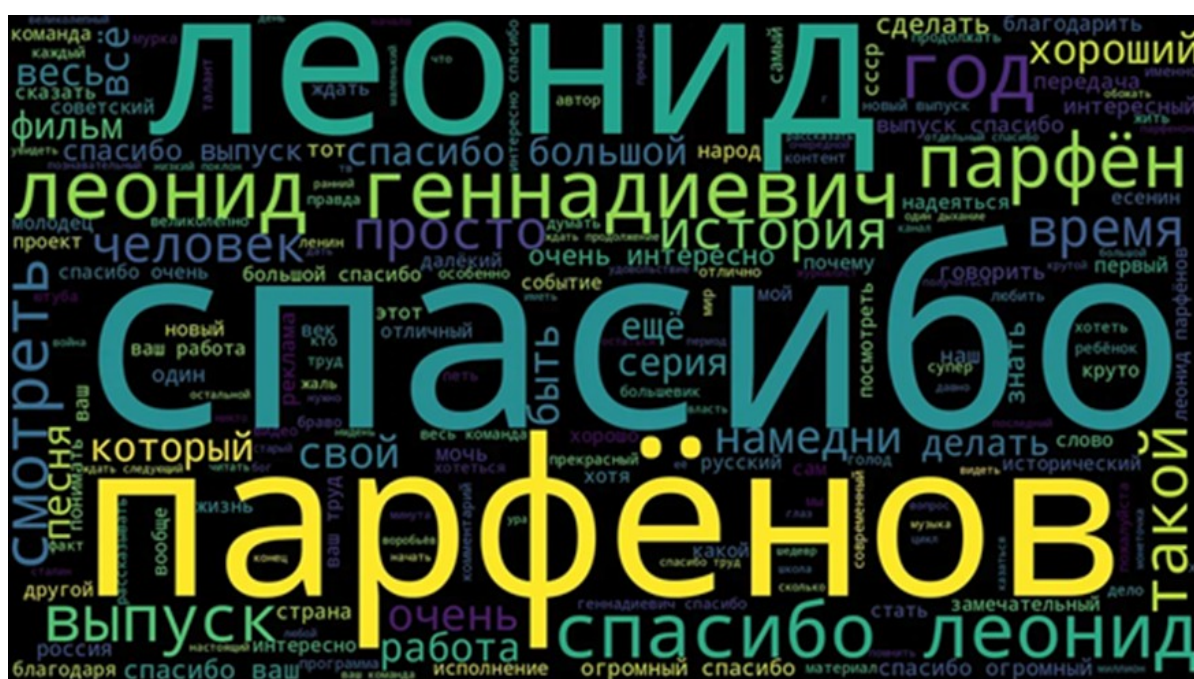

Рисунок 1. Облако тегов на основе комментариев, посвященных проекту (1921-1925 гг.)

Figure 1. Tag cloud based on comments about the project (1921-1925)

ведения тех лет. Наличие соответствующих тегов может свидетельствовать об эмоциональном отклике на данное нововведение.

Облака тегов, сформированные по комментариям к роликам, посвященным 1926–1928 годам, имеют следующий вид.

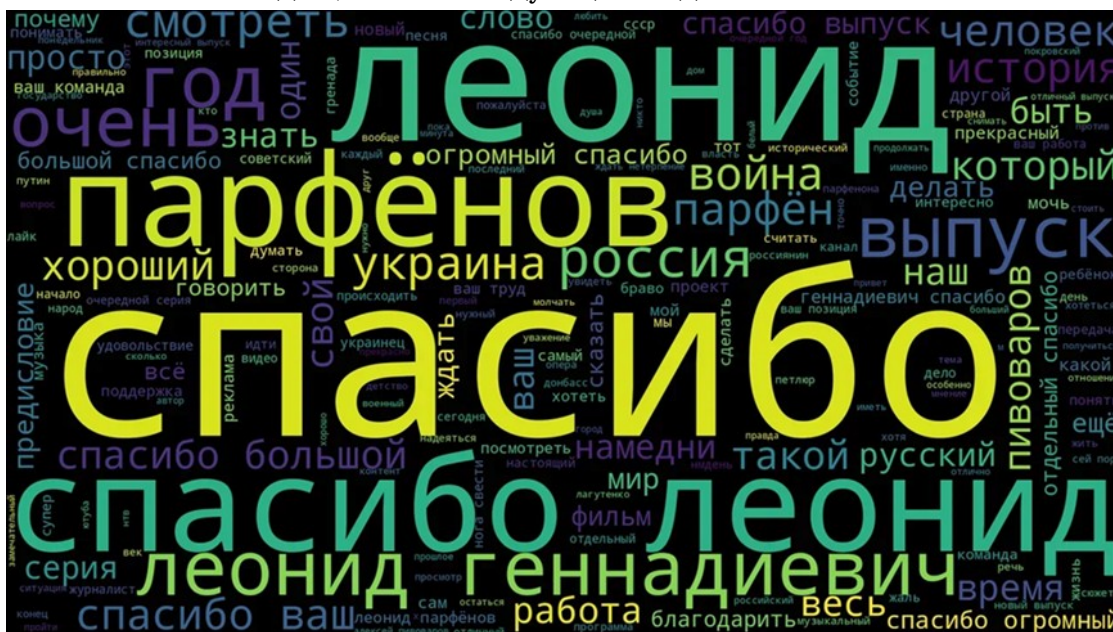

Рисунок 3. Облако тегов на основе комментариев, посвященных проекту (1926–1928 гг.)

Figure 3. Tag cloud based on comments about the project (1926–1928)

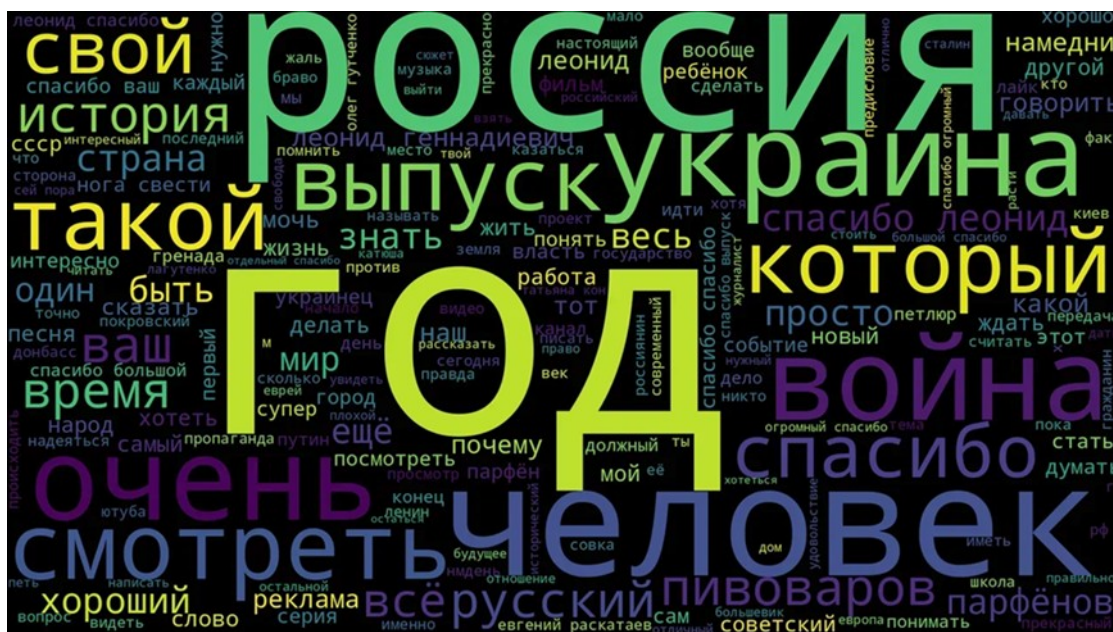

Рисунок 4. Облако тегов, на основе комментариев, посвященных образу СССР в проекте (1926–1928 гг.)

Figure 4. Tag cloud, based on comments on the image of the USSR in the draft (1926–1928)

от которых зависит и круг приглашенных на беседу знаменитостей. Таким образом, создаются благоприятные условия для появления доминирующих оценок, схем рассуждений в комментариях к видео и создания того, что К. Санстейн назвал «эхо-камерами / комнатами» (Sunstein, 2004, p. 57–59). В ходе дискуссий единомышленники формируют все более радикальные позиции, а также демонизируют несогласных с их убеждениями людей.

Как доказали Э. Коллеони, А. Розза, А. Арвидссон (Colleoni, Rozza, Arvidsson, 2014, p. 317–332), создание эхо-камер облегчается тем, что пользователи, чья позиция расходится с позицией большинства, испытывают дискомфорт и отказываются от дальнейших просмотров или дискуссий в комментариях. В дальнейшем активные подписчики YouTube-каналов способны играть роль лидеров общественного мнения и за пределами пространства виртуальных сетей (Karlsen, 2015, p. 301–318).

С одной стороны, следует понимать, что существенная часть поклонников Парфенова придерживается либеральных взглядов. Видимым оказывается мнение тех, кто нашел в себе желание и возможность не только посмотреть передачу на YouTube-канале, но еще и высказаться (в среднем комментарий оставляет один зритель на 500 промолчавших). Другими словами, анализ комментариев превращается в анализ взглядов гостей эхо-камер, в которых дискуссии, по замечанию М. Капранса, напоминают разговоры в ирландском пабе (Kaprans, 2016, p. 156–172).

С другой стороны, споры в эхо-камерах идут, обсуждение в комментариях достаточно жаркое, хотя критики Л. Парфенова в меньшинстве, но и их аргументы оказываются в исследовательском объективе. Общие линии обсуждения и тренды прослеживаются, а, значит, анализ общественной рецепции проекта «НМДНИ» возможен.

Исследование проходило по следующему плану. Были отобраны комментарии (набравшие 100 и более лайков) к сериям про 1920-е годы, а также «апогей сталинизма» (1946–1953 гг.) и раннюю Оттепель (1954–1960 гг.). Эти серии (в отличие от передач про 1961–2003 годы) вышли относительно недавно (в 2019–2022 гг.) и были ориентированы непосредственно на YouTube-аудиторию. Серии, в которых речь идет о 1961–2003 годах, также выложены на YouTube, но не от лица Л. Парфенова (не имеющего на них авторских прав) и набирают скромное количество комментариев.

Анализируемые передачи в своем большинстве посвящены годам правления И. В. Сталина – самого обсуждаемого политика прошлого в современной России, что лишь добавляет актуальности настоящему исследованию. При этом 1920-е годы – это время относительно либеральное; затем – этап зрелого сталинизма (1946–1953 гг.) и Оттепель с ее критикой культа личности. Данная удивительная калейдоскопичность повышает уровень исследовательского интереса к наблюдению и анализу комментариев.

Комментарии были проанализированы и типологизированы по следующим пяти большим группам:

1. К первой группе были отнесены комментарии, в которых звучали исторические параллели между советским прошлым и российским настоящим.
2. Во вторую группу попали комментарии, в которых зрители определяли «НМДНИ» как отличный просветительский продукт.
3. В третьей группе учитывались замечания, в которых зрители делились своими личными или семейными воспоминаниями о жизни в СССР.
4. В четвертой группе оказались комментарии, в которых обсуждались артефакты советского быта и духовной культуры (песни, книги, фильмы и т.п.).
5. Благодарности.

Затем результаты были сведены в таблицу, описаны, прокомментированы; также были выявлены доминирующие тренды. Понимание особенностей общественного восприятия проекта «НМДНИ» позволяет описать механизмы (или стратегии) конструирования образа СССР в массовом зрительском сознании, которые, возможно, осознанно (или неосознанно) были эксплуатированы Л. Парфеновым.

Анализ комментариев к передачам позволил понять, какие смыслы и послы, зашифрованные в проекте Парфенова, оказываются наиболее востребованными и обсуждаемыми. Определенная часть зрителей воспринимает проект как набор критических аллюзий на современные политические реалии, другие – как способ узнать больше о советском прошлом, третьи – как способ освежить собственные воспоминания о советской цивилизации (ее быте и культурном мире), и, наконец, для четвертых припоминание советского прошлого является важным механизмом формирования и закрепления семейной идентичности.

На первом этапе работы с комментариями была выявлена и проанализирована темпоральная динамика интереса к сериям (Таблица 1). Также отслеживалось влияние механики YouTube на формирование доминирующих трендов обсуждения телепередач.

Следует заметить, что интерес к проекту, интенсивность его качественного обсуждения и проведения исторических параллелей с современностью достигает пика с началом нового сезона и падает от серии к серии. С каждой новой серией обсуждений и комментариев становится меньше, в то время как растет количество простых благодарностей, а также обсуждений музыкальных вставок или же аполитичных эстрадно-бытовых сюжетов.

Год	Кол-во просмотров	Кол-во комментариев	Дата выхода	Кол-во лайков
1946	2,2 млн	8 074	18 марта 2019 г.	104 тыс.
1950	1,0 млн	1 768	20 мая 2019 г.	37 тыс.
1953	2,7 млн	4 782	14 октября 2019 г.	55 тыс.
1955	1,2 млн	1 911	28 октября 2019 г.	35 тыс.
1956	0,8 млн	2 175	5 ноября 2019 г.	32 тыс.
1959	2,8 млн	5 180	25 ноября 2019 г.	52 тыс.
1921	1,6 млн	6 088	21 июня 2021 г.	54 тыс.
1923	0,8 млн	1 799	1 ноября 2021 г.	28 тыс.
1927	0,6 млн	1 344	14 февраля 2022 г.	20 тыс.
1928	0,4 млн	1 384	28 февраля 2022 г.	19 тыс.

Таблица 1. Анализ темпоральной динамики интереса к сериям проекта

Table 1. Analysis of the temporal dynamics of interest in the project series

Общая тенденция нарушается всплеском интереса зрителей к передачам про 1953 и 1959 годы. Как известно, в 1953 году умирает И. В. Сталин, а в 1959 году – С. Бандера (интерес к которому возрастает в связи с обострением украинского кризиса). Бандера и Сталин (и, в частности, их смерти) вынесены в заголовки серий и, очевидно, являются основными хэштегами, привлекающими зрителей. Таким образом, популярность серий объясняется хэштегами, которые во многом определяют вероятность знакомства зрителя с YouTube-продуктом.

Разговаривая о прошлом, мы разговариваем о современности. История и политика идут рука об руку, и Л. Парфенову так же сложно удерживаться от проведения исторических параллелей, аллюзий с современными событиями, как и зрителям обсуждать их в комментариях.

Например: «Слушая про этот бред который был в совке, понимаешь откуда растут ноги в сегодняшних реалиях» (1953 год).

В телепередачах и комментариях звучат такие злободневные термины как «агенты иностранного влияния», «загнивающий Запад», «рупоры Кремля», «американский империализм», «культ личности». Первая медиастратегия разговора о СССР в проекте Парфенова может быть названа либерально-политической, суть которой сводится к использованию актуальных для современной России проблем, терминов, явлений при описании советской истории.

Однако проведенный математический анализ показывает, что удельный вес исторических параллелей в основной массе комментариев, набирающих более 100 лайков, относительно невелик (Таблица 2).

Год	Кол-во комментариев, набравших более 100 лайков	Исторические параллели	Образовательная	Семейная	Бытовая	Благодарности
1921	73 (100%)	19 (26%)	6 (8%)	-	-	66%
1922	47	2 (4%)	-	-	16 (34%)	62%
1923	19	3 (15%)	-	3 (15%)	5 (26%)	44%
1924	14	-	-	-	4 (28%)	72%
1925	23	2 (8%)	-	2 (8%)	10 (43%)	41%
1926	8	-	-	-	-	100%
1927	24	-	-	-	3 (12%)	88%
1928	12	-	-	-	-	100%
1946	129	12 (9%)	3 (2%)	1 (0,7%)	8 (6%)	82,3%
1947	66	5 (7%)	4 (6%)	5 (7%)	9 (13%)	67%
1948	25	5 (20%)	3 (12%)	-	-	68%
1949	37	5 (13%)	2 (5%)	1 (2%)	-	78%
1950	21	1 (4%)	3 (14%)	1 (4%)	-	78%
1951	22	1 (4%)	-	-	-	96%
1952	38	1 (2%)	2 (5%)	2 (5%)	4 (10%)	78%
1953	52	12 (23%)	5 (9%)	2 (3%)	5 (9%)	57%
1954	48	3 (6%)	-	-	7 (14%)	80%
1955	26	-	1 (3%)	-	4 (15%)	82%
1956	30	2 (6%)	5 (16%)	2 (6%)	7 (23%)	49%
1957	44	3 (6%)	2 (4%)	1 (2%)	6 (13%)	75%
1958	36	6 (16%)	-	-	9 (25%)	59%
1959	44	6 (13%)	1 (2%)	1 (2%)	8 (18%)	55%

Таблица 2. Анализ зрительского интереса к темам проекта

Table 2. Analysis of viewer interest in the topics of the project

Политизированное обсуждение советской истории доминировало в общей массе комментариев в первых передачах про 1946-1949 годы, которые выходили весной 2019 года. Затем интерес комментаторов к историческим параллелям существенно снизился. Исключением, подтверждающим тенденцию, стал год смерти Сталина.

Новый всплеск критики современной власти в комментариях приходится на первую серию про 1921 год (нового сезона, стартовавшего осенью 2021 года и приостановленного в феврале 2022 года). И опять – от серии к серии – наблюдается снижение интереса зрителей и к проекту, и к политике (до фактически нулевого).

В комментариях отразились и события, связанные с кризисом на Украине. Однако, учитывая либеральную направленность проекта, следует отметить немногочисленность комментариев (всего два), набравших более 100 лайков, в которых заявлялось, что украинцы тоже смотрят и любят Л. Парфенова. К серии, посвященной 1954 году, лишь один комментарий про передачу Крыма Украине набрал более 100 лайков. Таким образом, скудность комментариев указывает на слабый интерес зрителей к оппозиционно-проукраинской повестке. К серии, вышедшей вскоре после начала специальной военной операции (а именно – 28 февраля 2022 года) было оставлено всего лишь пять проукраинских комментариев, набравших более 100 лайков.

Среди популярных (набравших более 100 лайков) комментариев не так много тех, которые отсылают к другим современным политическим событиям («Редакции и Парфенону, осталось молиться, чтоб не прикрыли ютуб»). Однако следует уточнить, что политические обсуждения и споры в комментариях все же присутствуют, но очевидно, что большинству зрителей они малоинтересны. В связи с этим можно предложить несколько гипотез:

1. Формат комментариев на YouTube позволяет создавать групповые обсуждения, но не удобен для создания устойчивых политико-коммуникативных сообществ. Ветки обсуждения теряются в море комментариев, и чтобы до них добраться, необходимо совершать неудобное пролистывание / погружение. Следовательно, обсуждения краткосрочные, к ним сложно вернуться через день / неделю и быть уверенным, что ваш оппонент спустя время (даже непродолжительное) проявит интерес, вспомнит, найдет вашу дискуссию. Таким образом, формат YouTube-комментариев (в отличие от форумного формата, где обсуждения озаглавлены той или иной темой и легко ищутся) не позволяет формироваться сообществам. Хотя очевидно, что всплески обсуждений первых телепередач Л. Парфенова свидетельствуют о наличии зрительского запроса на проведение остро-политических параллелей между прошлым и настоящим. Запал критических высказываний от серии к серии, впрочем, быстро выдыхается.

2. Немногочисленность исторических параллелей может свидетельствовать о небольшом количестве активных сторонников антисоветского либерализма. Однако следует отметить, что активных сторонников советского строя еще меньше. Комментарии (набравшие более 100 лайков) с критикой Л. Парфенова присутствуют лишь к телепередаче про 1946 год (самой первой серии обновленного проекта, вышедшей весной 2019 года):

«Антисоветская галиматья с детскими ошибками».

«Сталин радовался фултонской речи Черчиля, потому что сам хотел начать холодную войну? Где вы нашли эту информацию?»

«Зачем вы так про речь Черчилля? Всем советую ознакомиться с речью. А не с вырезками из нее».

3. Весьма вероятно, что искать корни аполитичности большинства надо в историческом невежестве при одновременно плохом знании современной политэкономической конъюнктуры. Действительно, 1920-е годы, а также период «апогея сталинизма» и ранней Оттепели знакомы большинству гораздо меньше, нежели так называемые «годы репрессий», в которых (думают что) разбираются многие знатоки и любители истории. Рассуждать о Сталине, Застое и Перестройке несравненно легче, нежели о НЭПе или Оттепели. При этом сравнение советских времен с сегодняшним днем достаточно примитивно, схематизировано и мифологизировано еще и по причине недостатка знаний о фактах, людях современной России.

Таким образом, политический эффект от проекта Парфенова сложно считать долгоиграющим и прочным. Однако политизация (актуализация) советского прошлого является не единственной медиастратегией конструирования образа СССР в проекте.

Секреты успеха проекта Парфенова не ограничиваются отсылками к современным реалиям. Дополнительная – «образовательно-просветительская» – медиастратегия создания образа СССР заключается в несложном живом интересном освещении социально-экономических, политических феноменов советского прошлого. Стратегия сработала – в заметном проценте комментариев содержались утверждения о низком качестве преподавания истории в школе, мифологичности массовых знаний о советском.

Например:

«Хорошее лекарство от фантомных болей для ностальгирующего большинства» (1948 год).

В комментариях, получивших более 100 лайков, были отмечены события, которые слабо освещались в школе, СМИ и научно-популярных изданиях, но описанные Л. Парфеновым. Например: цунами на Дальнем Востоке в 1952 году, берлинское восстание в 1953 году, расстрелы в Тбилиси в 1956 году.

Комментаторы подчеркивали наглядность, легкость передачи Парфенова за счет грамотного использования фото и видеодокументов, а также широкой эрудированности сценаристов и харизматичности ведущего. Правда, количество комментариев, в которых зрители восхищаются эффективностью деятельности Л. Парфенова по популяризации знаний об СССР, в последних выпусках стремится к нулю.

Большинство комментаторов доверяет Л. Парфенову и критикуют преподнесение истории в современной России и СССР; иногда такая критика осуществляется в весьма категоричных выражениях:

«Каким же всё-таки выборочным и лживым было преподавание истории в советских учебных заведениях» (1956 год).

Активная же критика самого Л. Парфенова за недостоверность (в комментариях, набравших более 100 лайков) присутствует только в обсуждении самой первой передачи (вышедшей весной 2019 года) про 1946 год.

Независимые от власти интернет-проекты, как показали, например, исследования в Китае и Аргентине (Gustafsson, 2019, p. 9–21), способны создавать альтернативные представления о прошлом, противоречащие официальным историческим нарративам (Liu, 2009, p. 91–108). Однако анализ общественных дискуссий на канале Парфенова выявил отсутствие пользовательской критики государственной политики памяти.

Третья – «семейно-поколенческая» – медиастратегия конструирования образа СССР заключается в пробуждении у зрителей воспоминаний о семейных историях советского прошлого. Таким образом, СССР – это не только политико-схожий, интересный (и незнакомый) мир, но еще и пространство / время жизни предыдущих поколений.

Судя по комментариям, передачи Парфенова сумели актуализировать коммуникативную память россиян. В комментариях, набравших более 100 лайков, встречались воспоминания о родителях, а также бабушках и дедушках, лицезревших описываемые события.

Наибольшее количество комментариев подобного рода приходится на серию про 1947 год:

«В большинстве из нас просыпается давно забытое, о чем нам рассказывали родители или деды... многое переосмысливается».

«Спасибо за Фатьянова, помню все песни, их любила напевать моя бабушка».

«Дед рассказывал, что 47-й год был очень тяжелый. Он в то время жил в Тотьме и рассказывал, что там, и вообще на Вологодчине, был страшный голод. С его слов он буквально умер от алиментарной дистрофии, его в прямом смысле слова с того света вытащили врачи. Ни один год из своей долгой жизни он с такой тяжестью не вспоминает».

«Моя бабушка после войны ходила зимой на работу без обуви, обматывала ноги онучами (как она говорила). Тряпочками. И это на Урале. Путь из деревни в поселок. Рассказывала, что когда подмораживало, она по насту нормально проходила. А когда более-менее тепло, -5-10, проваливалась, и было тяжелее. Всю жизнь после этого мучилась с больными ногами».

«Вроде и год далекий, детство моих родителей, не должно цеплять актуальностью. Но как умеет подать!»

Предварительная гипотеза предполагала постепенное увеличение количества комментариев, которые можно было бы отнести к семейной медиастратегии (личные или семейные воспоминания о жизни в СССР) при движении от 1921 к 1960 году. Однако математический анализ привел к отбрасыванию данной гипотезы. Количество комментариев, начиная с 1946 года, находится на

близком и невысоком уровне (Таблица 2). Советская история как основа семейной идентичности представлена в популярных комментариях гораздо скромнее, чем сравнение политических реалий прошлого и настоящего, а также разговор о советской эстраде.

Таким образом, воспоминания о семейных историях в популярных комментариях присутствуют незначительно, однако высок интерес к советской эстраде, литературе, кинематографу 1920-х и 1950-х годов, а также к описаниям реалий советского быта. Относительное большинство популярных комментариев посвящено советским артефактам духовной и материальной культуры. Например, самой популярной темой обсуждения серии про 1921 и 1947 годы был Голод (в 10% комментариев). «Мурка», Чуковский, водка «Рыковка», песня «Кирпичики», книга «О вкусной и здоровой пище», Ту-104 и «Веселые картинки» упомянуты в 20% комментариях за 1922, 1923, 1924, 1925, 1952 и 1956 годы, соответственно. Наиболее популярной темой в комментариях к серии про 1946 год был Эйзенштейн и фильм «Иван Грозный». В комментариях к серии про 1953 год часто вспоминали ГУМ, а к серии про 1954 год – «Незнайку на луне» (а не, скажем, передачу Крыма Украине), про 1955 год – хрущевки и лук в капроновых чулках, про 1957 год – Чиполлино, про 1958 год – отключение горячей воды и нижнее белье.

Таким образом, для большинства комментаторов, набравших более 100 лайков, передача Парфенова была интересна как возможность вспомнить реалии советского быта, а также освежить в памяти культурные артефакты советской эпохи. Особые обсуждения вызвали кавер-версии советских поэтических хитов 1920-х годов – «Мурки», «Гренады» Светлова, «Москвы» Есенина и т.п. Кажется, данная – «эстрадно-бытовая» – медиастратегия конструирования образа СССР оказалась наиболее эффективной, а другие медиастратегии (в том числе и политическая) заняли второстепенные места.

Выводы

Исследование социальной рецепции передач YouTube-проекта «НМДНИ» позволяет эмпирически подтвердить некоторые выводы о характере советской ностальгии, постпамяти и способах преодоления культурных травм (Eyermap, Madigan, Ring, 2017).

Признание YouTube-зрителями просветительской роли проекта «НМДНИ» позволяет считать Парфенова значимым субъектом конструирования постпамяти о Советском Союзе и одновременно важным для определенной части россиян триггером конструирования либеральной идентичности.

Анализ популярных комментариев свидетельствует о наличии общественного запроса на рефлектирующую ностальгию как формата разговора о советском. Во-первых, интернет-зрители с готовностью обсуждают предлагаемые Л. Парфеновым иронические параллели между политикой прошлого и

настоящего. Во-вторых, судя по комментариям, интерес к СССР связан с ностальгией по советской материальной (бытовой) и духовной культуре, а не с желанием вернуться в эпоху «великих свершений». Таким образом, эстетика явно доминирует над политикой, а травматические воспоминания над триумфальными (Giesen, 2004, p. 208).

Проговаривание в комментариях (а, значит, и повторное переживание) тяжелых событий прошлого может быть определено в качестве цифрового (кибер) способа преодоления культурных травм, полученных российским обществом в советский период, что объясняет повышенный интерес общественности к деятельности и личности Леонида Парфенова.

Авторский вклад

А.Г. Иванов, А.А. Цельковский – провели анализ научной литературы по проблеме исследования, предложили методологию научного исследования, проанализировали облака тегов, сформированных на основе комментариев к проекту «НМДНИ»;

С.П. Сидоров – сформировал облака тегов на основе комментариев к проекту «НМДНИ»;

И.В. Суслов – провел анализ и типологизацию комментариев к проекту «НМДНИ», выявил характерные для проекта медиастратегии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Список литературы

- Colleoni, E., Rozza, A., & Arvidsson, A. (2014). Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data: Political Homophily on Twitter. *Journal of Communication*, 64(2), 317–332. <https://doi.org/10.1111/jcom.12084>
- da Silva Catela, L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, 8(1), 9–21. <https://doi.org/10.1177/1750698014552403>
- Eyerman, R., Madigan, T., & Ring, M. (2019). Cultural Trauma, Collective Memory, and the Vietnam War: (With Todd Madigan and Magnus Ring). In R. Eyerman, *Memory, Trauma, and Identity* (pp. 143–165). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13507-2_7
- Giesen, B. (2004). *Triumph and trauma*. Paradigm Publishers.

- Gustafsson, K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*, 12(2), 184–197.
<https://doi.org/10.1177/1750698017714836>
- Hoskins, A. (2009). Digital Network Memory. In A. Erll & A. Rigney (Eds.), *Media and Cultural Memory / Medien und kulturelle Erinnerung* (pp. 91–108). Walter de Gruyter.
<https://doi.org/10.1515/9783110217384.1.91>
- Kaprāns, M. (2016). Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites. *Memory Studies*, 9(2), 156–172.
<https://doi.org/10.1177/1750698015587151>
- Karlsen, R. (2015). Followers are opinion leaders: The role of people in the flow of political communication on and beyond social networking sites. *European Journal of Communication*, 30(3), 301–318. <https://doi.org/10.1177/0267323115577305>
- Liu, J. (2018). Who Speaks for the Past? Social Media, Social Memory, and the Production of Historical Knowledge in Contemporary China. *International Journal of Communication*, 12, 1675–1695.
- Sunstein, C. R. (2004). Democracy and filtering. *Communications of the ACM*, 47(12), 57–59.
<https://doi.org/10.1145/1035134.1035166>
- Абрамов, Р. Н., & Чистякова, А. А. (2012). Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: По волнам коллективной памяти. *Международный журнал исследований культуры*, 1, 52–58.
- Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Новое литературное обозрение.
- Ассман, А. (2019). *Забвение истории – одержимость историей*. Новое литературное обозрение.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Языки славянской культуры.
- Блышко, Д. В. (2013). Социальная структура общества позднего социализма в российских документальных телепроектах: Герои и обыватели. *Труды Карельского научного центра РАН*, 4, 124–128.
- Бойм, С. (2013). Будущее ностальгии. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3, 118–138.
- Миронова, Н. Б., & Горбачев, А. М. (2021). Творческая концепция документальных циклов Л. Парфенова об истории СССР 1946–1960 гг. *Академическая публицистика*, 5, 648–651.
- Нуркова, В. (2000). *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. УРАО.
- Рикер, П. (2004). *Память, история, забвение*. Издательство гуманитарной литературы.
- Рысина, А. А. (2016). Языковая личность Леонида Парфенова (на материале телепередачи «Намедни» и книги «Намедни. Наша эра»). *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*, 2, 182–185.
- Сергеевна, М. Е. (2014). Лексические особенности телевизионного историко-познавательного дискурса на примере передачи Леонида Парфёнова «Намедни» (НТВ). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 9, 20–23.
- Ушакин, С. (2013). Разложение тотальности: Объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3, 221–258.

- Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. Новое издательство.
- Хирш, М. (2021). *Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста*. Новое издательство.
- Хобсбаум, Э. (2000). Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, 1, 47–62.
- Хобсбаум, Э. (2011). Ностальгия россиян по СССР – это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главным... *Свободная мысль*, 11, 31–36.

References

- Abramov, R. N., & Chistyakova, A. A. (2012). Nostalgic Representations of the Late Soviet Period in L. Parfyonov's Media Projects: On the Waves of Collective Memory. *International Journal of Cultural Studies*, 1, 52–58. (In Russian).
- Assmann, A. (2014). *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Assmann, A. (2019). *Forgetting history – obsessing over history*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. *Languages of Slavic culture*. (In Russian).
- Blyshko, D. V. (2013). The Social Structure of Late Socialist Society in Russian Documentary TV Projects: Heroes and Philistines. *Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*, 4, 124–128. (In Russian).
- Boym, S. (2013). The future of nostalgia. *The untouchable reserve. Debate about politics and culture*, 3, 118–138. (In Russian).
- Colleoni, E., Rozza, A., & Arvidsson, A. (2014). Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data: Political Homophily on Twitter. *Journal of Communication*, 64(2), 317–332. <https://doi.org/10.1111/jcom.12084>
- da Silva Catela, L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, 8(1), 9–21. <https://doi.org/10.1177/1750698014552403>
- Eyerman, R., Madigan, T., & Ring, M. (2019). Cultural Trauma, Collective Memory, and the Vietnam War: (With Todd Madigan and Magnus Ring). In R. Eyerman, *Memory, Trauma, and Identity* (pp. 143–165). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13507-2_7
- Giesen, B. (2004). *Triumph and trauma*. Paradigm Publishers.
- Gustafsson, K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*, 12(2), 184–197. <https://doi.org/10.1177/1750698017714836>
- Halbwachs, M. (2007). *The social framework of memory*. New publisher. (In Russian).
- Hirsch, M. (2021). *Post-Memory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New publisher. (In Russian).
- Hobsbawm, E. (2011). Russians' nostalgia for the USSR is nostalgia for a country where money and profit were not the main thing... *Svobodnaja mysl'*, 11, 31–36. (In Russian).
- Hobsbawm, E. (2000). Inventing traditions. *Eurasia Herald*, 1, 47–62. (In Russian).

- Hoskins, A. (2009). Digital Network Memory. In A. Erll & A. Rigney (Eds.), *Media and Cultural Memory / Medien und kulturelle Erinnerung* (pp. 91–108). Walter de Gruyter.
<https://doi.org/10.1515/9783110217384.1.91>
- Kaprāns, M. (2016). Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites. *Memory Studies*, 9(2), 156–172.
<https://doi.org/10.1177/1750698015587151>
- Karlsen, R. (2015). Followers are opinion leaders: The role of people in the flow of political communication on and beyond social networking sites. *European Journal of Communication*, 30(3), 301–318. <https://doi.org/10.1177/0267323115577305>
- Liu, J. (2018). Who Speaks for the Past? Social Media, Social Memory, and the Production of Historical Knowledge in Contemporary China. *International Journal of Communication*, 12, 1675–1695.
- Mironova, N. B. & Gorbachev, A. M. (2021). Creative Concept of L. Parfyonov's Documentary Cycles on the History of the USSR 1946–1960. *Academic publicism*, 5, 648–651. (In Russian).
- Nurkova, V. (2000). *The Perfect Continues: The Psychology of Personal Autobiographical Memory*. URAO. (In Russian).
- Oushakine, S. (2013). Decomposing Totality: The Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronologies. *The untouchable reserve. Debate about politics and culture*, 3, 221–258. (In Russian).
- Ricœur, P. (2004). *Memory, history, oblivion*. Publisher of Humanitarian Literature. (In Russian).
- Rysina, A. A. (2016). Leonid Parfyonov's Linguistic Personality (on the material of the TV show “Namedni” and the book “Namedni. Our Era”). *Bulletin of the Ivan Fyodorov MSUP*, 2, 182–185. (In Russian).
- Sergeyevna, M. E. (2014). Lexical peculiarities of TV historical-cognitive discourse on the example of Leonid Parfyonov's programme “Namedni” (NTV). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 9, 20–23. (In Russian).
- Sunstein, C. R. (2004). Democracy and filtering. *Communications of the ACM*, 47(12), 57–59.
<https://doi.org/10.1145/1035134.1035166>